

ЭПИЗОД 57. ДИАЛОГИ: БЕСЕДА С АЛЕКС БРЮИС

Данная стенограмма была подготовлена с помощью программы транскрипции Trint и отредактирована сотрудниками TDR. Всемирная организация здравоохранения не несет ответственности за точность транскрипции.

Garry Aslanyan [00:00:08] Добро пожаловать в раздел «Диалоги». Меня зовут Гарри Асланян. Это специальная серия подкаста «Вопросы глобального здравоохранения». В этой серии я расскажу о некоторых эхо-камерах, существующих в глобальном здравоохранении. Чтобы помочь мне в этом поиске, я пригласила вдумчивых и любознательных людей из разных слоев общества. Каждый из них изучал глобальные проблемы здравоохранения и писал о них с разных дисциплинарных точек зрения. Надеюсь, что эта серия диалогов даст вам, слушателям, возможность выйти из повседневной рутины и взглянуть на глобальные проблемы здравоохранения под другим углом. Итак, давайте начнем.

Alex Brewis [00:00:55] Самый эффективный способ устранить ущерб, наносимый общественному здравоохранению, заключается в том, чтобы в первую очередь предотвратить ее возникновение. Итак, первый важный фундаментальный момент, на который мы хотим обратить внимание в этой книге, заключается в том, что стигму ни в коем случае нельзя использовать для укрепления общественного здравоохранения. Врачам не следует тихо стыдить пациентов с большими телами, чтобы мотивировать их больше заниматься спортом. Работники международных организаций, занимающихся вопросами развития, также не должны стыдить людей строить туалеты. Это, в первую очередь, мешает им помогать сообществам процветать. Стыд во всех его проявлениях должен быть исключен из инструментария общественного здравоохранения, потому что он легко дает осечки.

Garry Aslanyan [00:01:35] В этом эпизоде диалога мы подробнее рассмотрим стигму и то, как часто мы, медицинские работники всего мира, сами того не осознавая, можем ее увековечивать. Ко мне присоединилась Алекс Брюис, регенты и президенты, профессор Школы эволюции человека и социальных изменений Университета штата Аризона, где она ранее основала и руководила Центром глобального здравоохранения. Как биокультурный антрополог, Алекс работает в разных дисциплинах и тесно сотрудничает с сообществами для поиска решений насущных глобальных и экологических проблем. В этой беседе мы рассмотрим две книги, написанные ею в соавторстве с книгами «Ленивый, сумасшедший и отвратительный: стигма и разрушение глобального здравоохранения» и «Жир в четырех культурах». Алекс обладает богатым практическим опытом и глубокими научными знаниями, помогая нам анализировать преднамеренные и непреднамеренные последствия наших глобальных усилий в области здравоохранения. Привет, Алекс, как дела сегодня?

Alex Brewis [00:02:45] У меня все отлично. Привет, Гарри. Рад быть с вами сегодня.

Garry Aslanyan [00:02:48] Итак, Алекс, ваше исследование показывает, как недостаток власти, будь то из-за социального положения или отсутствия ресурсов, может привести к ухудшению физического и психического здоровья. Почему эта сфера работы важна для тебя, Алекс?

Alex Brewis [00:03:05] Что ж, сначала позвольте мне дать вам краткое определение того, что мы подразумеваем под властью. Власть — это способность получать или делать то, что вы хотите. Думаю, что здравоохранение и электроэнергия взаимосвязаны, пришло мне довольно рано, потому что я начала жить в рабочих домах на заводе по производству удобрений в Южном Окленде и Новой Зеландии, рядом с грузовиками, железнодорожными путями и т. д. Большинство наших соседей были рабочими-мигрантами, зарабатывая, как мне кажется, в то время

минимальную зарплату. В какой-то момент, когда у моего отца было трое детей в возрасте до пяти лет, он был директором фабрики, и его попросили уйти из-за волнений, связанных, как я понимаю, в то время с вопросами безопасности труда. Это в середине 1960-х годов. Случилось так, что когда он ушёл с этой работы, выяснилось, что его сразу взяли на работу в другое место, и в итоге он получил некую компенсацию за разлад. Так получилось, что мы смогли переехать в очень красивую часть города, в зеленый приморский пригород. Внезапно мой мир очень и очень быстро изменился, и, кажется, именно тогда я поняла, что можно находиться в одном и том же месте и сталкиваться с множеством реалий, которые сильно отличаются друг от друга, и для меня, когда мне было пять лет, люди в этих двух местах были не менее приятными или приятными. Это было то, что было доступно людям в повседневной жизни, и это казалось очень несправедливым, и я думаю, что с тех пор я всегда слежу за тем, что кажется справедливым в жизни, а что нет. Думаю, именно это и мотивирует меня, и на самом деле, одна из моих последних замечательных аспиранток, Джейн Андервуд, однажды сказала мне, что моя ахиллесова пята — это слишком развитое чувство честной игры. Я так и не понял, как разгадать эту довольно точную информацию, но думаю, что именно она стала движущей силой в проектах, над которыми я работаю, таких как отсутствие безопасности водоснабжения, доступ к здравоохранению, стигма и так далее. Кроме того, во многих местах, где я выбрала эту работу, например, я недавно работала в Африке, Гаити, Центральной части Тихого океана и так далее.

Garry Aslanyan [00:05:20] Алекс, возможно, мне бы хотелось вместе с вами изучить этот феномен стигмы, который мы в сфере глобального здравоохранения не всегда признаем сами, способствующими этому явлению или занимающимися вопросами здравоохранения. Итак, ваша книга называется «Ленивый, сумасшедший, отвратительный». Как эти три слова отражают стигму, основанную на стыде, и какое влияние эта стигма оказывает на людей?

Alex Brewis [00:05:50] Стигма — очень скользкое понятие, все думают, что знают, что это значит, но на самом деле это означает очень много разных вещей. Но, по сути, речь идет о том, чтобы придавать моральным устремлениям произвольный характер и использовать это как способ обесценить одних людей по сравнению с другими, лишить их власти, в основном чувства принадлежности, возможностей и так далее. Итак, лень в названии — результат моей многолетней работы по борьбе с ожирением и стигмой, связанной с лишним весом, в течение последних 30 лет. В обществе бытует мнение, что большой размер тела означает моральное развращение, лень или отсутствие силы характера. Сумасшедшее в названии означает стигму, связанную с психическими заболеваниями, и, вероятно, именно в этой области большинство слушателей поймут, что стигма, очевидно, очень важна для здравоохранения, потому что люди с психическими заболеваниями или психическими заболеваниями считаются опасными, непредсказуемыми или другими с моральной точки зрения. Дискредитированные качества: к ним по-разному относятся как в системах здравоохранения, так и за их пределами, но при этом они по-разному относятся к себе. Так что переживания, порождаемые стигмой, сами по себе провоцируют депрессию и психические заболевания. Отвращение на самом деле связано с тем, что мы занимаемся решением проблем санитарии и водоснабжения, а также с тем, что окружающие считают людей отвратительными из-за того, что у них есть такие вещи, как нестиранная одежда, в то время как на самом деле у них нет воды для стирки белья, поэтому их осуждают аморально за практическую проблему. И во всех этих случаях чувство стигматизации вредно тому, кто станет мишенью. Это порождает самую болезненную эмоцию, которую мы испытываем как люди, — унижение и стыд. Поэтому я думаю, что на самом деле нет никаких обстоятельств, когда можно сказать, что стигма — это хорошо. Теперь мы также знаем, что стигма — это физиологический стресс. Это приводит к целому ряду негативных последствий для организма, и теперь мы начинаем понимать, что стигма на самом деле передается из поколения в поколение в результате эпигенетики. Травмы стигмы достаточно для того, чтобы действительно

вызвать те типы генных изменений, которые могут передаваться детям или, возможно, детям ваших детей в виде генетических изменений и типов генетических изменений, которые вредны для здоровья.

Garry Aslanyan [00:08:23] Это очень интересно, и я уверен, что наши слушатели оценят это. Пару сезонов назад мы также выпустили серию, посвященную достоинству, разнообразию и глобальному здравоохранению. Я вижу, как мы подходим к определенным вещам во многих отношениях, и спасибо за эти размышления. Алекс, вы писали о том, как отвращение вызывает у вас работа по гигиене и санитарии. Я знаю, что эти слова мы используем сегодня. Я хотел бы привести вам пример. Возможно, вы могли бы прочитать небольшой отрывок из своей книги.

Alex Brewis [00:09:07] Если есть много веских причин соблюдать элементарные санитарные условия: строить, а затем пользоваться туалетами, то почему все жители Пембы не согласны с тем, чтобы в приоритетном порядке изготавливать, строить и использовать туалеты? Ну, во-первых, для строительства уборных нужны товары, которые стоят денег, которых нет у многих семей. Во-вторых, вода часто находится далеко и дорога. Получение достаточного количества воды для мытья и очистки может стать настоящим бременем для ухода за туалетами. В некоторых местах общественные туалеты могут помочь решить эту проблему, но женщинам часто небезопасно посещать их самостоятельно после наступления темноты, что подвергает их риску нападения. На острове Пемба есть и другие необъяснимые культурные причины: даже если люди и имеют доступ к туалетам, они все равно предпочитают испражняться под открытым небом. Итак, в наших интервью люди рассказывали нам, какое удовольствие приносят ритуальные ежедневные прогулки по пляжу. Это была возможность расслабиться и пообщаться с друзьями. В вонючем туалете этого не сделать. Жители Пембы считают, что человек, испражняющийся на пляже или в приливном мангровом болоте, ведет себя общительно и практично, а не грубо и отвратительно.

Garry Aslanyan [00:10:10] Когда вы только что рассказали о своем опыте в Пембе, Мозамбик, мое внимание, Алекс, привлекло внимание к тому, как оно продемонстрировало необходимость по-настоящему понять мнение людей, прежде чем приступать к действиям из лучших побуждений. Вы видели нечто подобное, работая в Микронезии и других странах?

Alex Brewis [00:10:34] Да, одна из причин, по которой в последние несколько лет я уделяю большое внимание работе с сотрудниками USAID, заключается в том, что с самого начала я поняла, что иногда это люди с самыми лучшими намерениями, но основной принцип, которым придерживаются антропологи: посмотрите, прежде чем прыгать, иногда упускается из виду. И я впервые по-настоящему осознал, как это работает в сфере санитарии, когда 35 лет назад работал, черт возьми, в Республике Китабас. Я долго работал в полевых условиях на очень маленьком и изолированном атолле, где можно было пройти с одной стороны на другую примерно за пять минут. И люди там любили быть чистыми. Они мылись в океане несколько раз в день. Они были невероятно увлечены стиркой и, честно говоря, были в ужасе от низкого качества моих навыков стирки белья. Но лагунная сторона атоллы использовалась для омовений. Приливы и отливы приходили и уходили два раза в день, как по маслу, и все уносилось в море. Поэтому, когда разработчики пришли и построили туалетный блок в центре острова, люди были в ужасе и сказали, что это просто отвратительно. На самом деле это доказало, что они были правы в том смысле, что, когда другая группа специалистов по вопросам развития из других стран приехала позже, чтобы протестировать колиформные бактерии в пресной воде, то есть в колодезной воде, они пришли к выводу, что да, на самом деле дело обстоит именно так. Но в то время люди, как вы знаете, собирались запретить людям испражняться на пляже. Но люди говорили, почему так отвратительно складывать все свои фекалии в одно место, ну, в унитаз. И, конечно же, там сидел туалетный блок, а затем президент островного совета или один из его сотрудников пришли и

заперли двери большим замком, чтобы никто не заходил туда и не занимался тем, чем занимаются дети, когда на очень маленьком атолле есть свободное место, попадающее в беду из-за закрывающейся двери, но это было сделано для того, чтобы им было уютно и уютно. Итак, когда с острова прибывало много людей, чтобы они могли их разблокировать, туалеты выглядели очень чистыми и красивыми, но люди как будто никогда не пользовались ими. Вот тогда казалось, что все эти усилия шли вперёд и назад, и если кто-то просто посидел пять минут и сказал трем сидящим на краю пляжа людям: «Знаете, мы хотим построить туалетный блок», что вы об этом думаете? Они бы объяснили, что если бы они действительно послушали и, знаете, задали вопрос несколькими способами, что в такой ситуации было бы скорее перформативно, чем практично. С тех пор мне показалось, что подобный антропологический подход — сначала остановиться и послушать — пригодится в самых разных обстоятельствах, и нам часто кажется, что мы знаем, как все устроено. В смысле, я все делаю сам, знаю, я быстро сужу о том, как все устроено, и часто, когда вы возвращаетесь и смотрите на это снова, вы думаете: упс, я поняла все не так, как думала, и если бы я просто остановилась и спросила у нескольких человек, я бы взглянула на это по-другому.

Garry Aslanyan [00:13:49] Вы также пишете, что стыд и отвращение влекут за собой жестокое обращение с целыми группами людей, освобождая нас от обязанности проявлять сочувствие. Не могли бы вы подробнее рассказать об этой идее и о последствиях такого подхода по всему миру?

Alex Brewis [00:14:11] Да. Итак, как я уже отметил, одна из проблем борьбы со стигмой или даже выявления ее, заключается в том, что люди по своей очень развитой природе очень хорошо умеют судить и судить других людей. И для таких гиперсоциальных видов, как наш, имеет смысл иметь некий когнитивный механизм, помогающий нам остановиться и спросить: могут ли эти люди навредить мне? В этих людей мне следует вкладывать деньги в качестве торговых партнеров или партнеров по браку или в качестве кого бы то ни было? Меня от них тошнит? Думаю, в прошлом это имело большой смысл, прежде чем у нас появились государственные медицинские учреждения и нормативно-правовая база, которые собирали для нас большую часть этой информации и, как вы знаете, служили бы препятствиями для принятия таких очень быстрых эвристических решений о том, кто в нашем мире, а кто нет, верно? И почему, но способность человека сосредоточиться на различиях, чтобы решить, кто похож на нас, а кто нет, и постоянно этим заниматься в повседневной жизни — это очень человеческая черта. Но проблема в том, что люди привязываются к вещам совершенно произвольным образом, будь то религия, цвет кожи, страна происхождения или род занятий и так далее. Итак, в 2019 году я работала на Гаити и встретила замечательных целеустремленных, этичных, оптимистичных людей, которые усердно работали в чрезвычайно сложных условиях, в условиях отсутствия безопасности, еды и возможностей. Но вы рассказываете о Гаити всем жителям США, кто никогда не бывал в Гаити или не успел по-настоящему послушать мнение гаитян о ситуации в Гаити. И им позволено говорить о Гаити действительно ужасные и стигматизирующие высказывания, основанные на совершенно произвольных представлениях о том, что там происходит и кто такие гаитяне. Кроме того, оно допускает дискриминацию не только со стороны отдельных лиц, но и со стороны учреждений и стран. Подобные произвольные и стигматизирующие представления о том, чем люди отличаются от вас, что вы не понимаете их обстоятельств. В таком случае это влияет на то, на что готовы пойти агентства и т. д., а также на то, что они готовы отрицать или игнорировать. Я имею в виду, что часто стигма — это не только действия, но и игнорирование или оправдание, и в этом контексте стигма очень четко рассматривается как инструмент власти. Если вы контролируете разговоры о различных группах и их моральной ценности, вы сможете оправдать любое давление на них, оттеснение их в пользу учреждений, о которых вы заботитесь, в ущерб тем, кто мог бы им помочь. Всякий раз, когда я смотрю на ситуацию, когда людей подвергают стигматизации, я всегда спрашиваю: а кому это выгодно? Потому что без власти невозможно усилить стигму, потому что

именно в этом и кроется причина. В ситуации, когда нас приучают понимать эти произвольные различия, например, страна происхождения, которую затем можно использовать для реальной и пагубной дискриминации. И чтобы подвергнуть сомнению эти предположения, нужно приложить немало усилий. И я думаю, что, особенно в эпоху социальных сетей, все еще сложнее. В рамках своих глобальных программ здравоохранения в Университете штата Аризона мы стараемся развивать навыки и развивать так называемую структурную осведомленность. Именно в этом и заключается способ помочь специалистам справиться с этой задачей, хотя бы имея в своем распоряжении некое подобие радара, позволяющее наблюдать за этими процессами, процессами стигматизации. И когда вы видите признаки, похожие на стигматизирующие высказывания, а их сейчас много, вы можете как бы заметить их и понять, а также увидеть их в том, как организованы учреждения и чем они занимаются, а что нет. И возможность объединить эти две вещи. И очень трудно обойтись без действительно хорошей основы для понимания того, как работает электроэнергия и все такое, потому что она очень хорошо объясняет связи, которые в остальном совершенно невидимы. И книга действительно стала частью этих усилий. Мы хотели написать книгу, призванную помочь людям лучше понять, как распознать стигму и как реагировать на нее как структурное препятствие, с которым сталкиваются люди, а не как на индивидуальный опыт. И я думаю, что когда вы обучаете медицинских работников, как и мы, это очень важно. Я думаю, что возможность по-настоящему осознавать происходящие вокруг вас вещи, влияющие на других людей, о которых вы, возможно, даже не подозревали, открывает совершенно новый аспект в карьере, в жизни, к обучению на протяжении всей жизни.

Garry Aslanyan [00:19:14] Алекс, во второй половине нашей беседы я хотел бы обратить внимание на текущую область, над которой вы работали и изучали: слово «жир» превратилось в слово, наполненное личными неудачами или обвинениями и стыдом. Вы описываете это как всемирную эпидемию лени. Если взглянуть на историю, можно сказать, что восприятие жира на самом деле не всегда было одинаковым. Как развивались эти идеи? Может быть, вы могли бы поделиться своими впечатлениями из своей работы и узнать, почему мы теперь рассматриваем жир как глобальное явление?

Alex Brewis [00:19:56] Поэтому я начала работать в Самоа, которое в то время было Западным Самоа, в начале 1990-х годов в рамках масштабного исследования, проведенного Национальным институтом здравоохранения по изучению сердечно-сосудистых заболеваний в этой стране, которая в то время считалась одной из самых высоких средних масс тела в мире. Затем я провела ещё одно небольшое исследование, посвящённое образу тела, в котором спрашивала людей о том, как они относятся к разным размерам тела, которые измерялись в рамках этого более масштабного исследования, ориентированного на медицину. В то время люди очень позитивно относились к своему телу, особенно к большим телам, считая их сильными и способными к тяжелой работе, а в некоторых случаях и относительным признаком достатка. Затем я занялась кое-чем другим, а в середине 2000-х годов я вернулась к работе над изображением тела, и мы решили обдумать некоторые из этих вопросов и провели глобальное исследование, чтобы проверить, где разные места находятся с точки зрения антижирового мышления и стигмы в отношении больших тел. Итак, мы подумали: «Ну, по моему опыту в Самоа в начале 90-х годов люди, вероятно, были настроены позитивно», но все, куда мы ездили, оказалось, что все было не так. И неважно, где мы находимся, местные представления могут немного отличаться, но независимо от того, отправляетесь ли вы в Самоа, Аргентину или на Ближний Восток, все думают, что большие тела — это плохо, большие — нежелательны, непривлекательны. И я думаю, что одно из самых интересных открытий для меня, как ни странно, касалось женщин в бурках на Ближнем Востоке. Как вы знаете, у меня есть коллега Сара Трина, она проводила исследования с женщинами, которые учились в женском университете, но, знаете, они носили бурку, поэтому их тела или тела были полностью покрыты. И все же, что интересно, молодые женщины очень

беспокоились о размерах своего тела и часто сидели на диете, потому что существовало ощущение, что большее тело — это несовременное тело. Это были тела бабушек и матерей, и даже будучи молодой женщиной, вы все еще можете видеть контуры своих размеров, даже когда вы полностью покрыты. Так что для меня это было похоже на то, что да, это сигнал о том, насколько это укоренилось в современной культуре потребления, своего рода капиталистических неолиберальных идеологиях. Как и везде, где люди взаимодействуют с современной экономикой, они заботятся о своем теле, потому что теперь у стройного тела есть определенный капитал, которого не было раньше. Итак, мы стали свидетелями действительно неожиданных изменений. Степень изменений вызывает наибольшее удивление. Еще одним очень хорошим примером этого стал мой коллега Джонатан Маупен, который работает в одном и том же сельском районе Гватемалы не менее двух десятилетий и работает с детьми и имиджем тела. По его словам, уже в шесть, семь или восемь лет дети могут негативно относиться к большему или маленькому телу, например к сельским жителям Гватемалы. И, знаете, уже в раннем детстве вы видите, как все это набирает обороты и как люди думают об окружающем мире и о себе. И тогда я поняла, что это действительно глобальное явление, и мы уже не можем думать, что оно существует только в одних местах, а в других нет.

Garry Aslanyan [00:23:48] Давайте послушаем одну из ваших других книг, написанных в соавторстве, «Жир в четырех культурах».

Alex Brewis [00:23:56] Этот раздел написан в соавторстве с моей сотрудницей и соавтором Джессикой Хардин, которая проводила исследования в Самоа совсем недавно, чем я. Учитывая, что в Самоа особое внимание уделяется семье, поначалу удивительно, что лень в самоанских Апия была названа причиной ожирения и диабета. Но эта лень широко распространялась: от неофициальных бесед с медицинскими работниками до выхода ежедневной газеты Samoa Observer. По словам премьер-министра, здесь много мангровых зарослей, свиней, бананов и плодов хлебного дерева, падающих и гниющих на земле, а в море много рыбы. Проблема в том, что слишком много людей приезжает в город и бездельничает. Они ленивы и не хотят возвращаться в свою деревню, чтобы обрабатывать землю. Он продолжил, что им следует остаться в своей деревне, где находятся их земли, и осваивать ее. Некоторые самоанцы считают, что отсутствие машины, телевизора или европейского дома — это бедность. Это роскошь. Ничего из этого, конечно, не значит бедность. Таким образом, комментарии премьер-министра вызвали в Самоа много дискуссий о том, кто может определять, что такое роскошь, а что — необходимость. И эта основная идея, которую разделяют многие, говорит о том, что ответственность и вину нельзя распределять, не обращая внимания на разные уровни контекста. На первом уровне домохозяйства, деревни и церкви, на следующем уровне — нация и, наконец, на третьем уровне — глобальная торговля продовольствием и транснациональная миграция. Таким образом, лень выражалась на разных уровнях, чтобы выразить неясность, возникшую в связи с изменением пищевых норм и растущим неравенством.

Garry Aslanyan [00:25:32] Самоа входит в число стран с самыми высокими показателями ожирения в мире. Алекс, каково влияние кампаний общественного здравоохранения по борьбе с ожирением и диабетом в этой стране?

Alex Brewis [00:25:45] Да, просто хочу пояснить, что еще в 90-х годах уровень так называемого ожирения в Самоа был одним из самых высоких в мире, но с тех пор все остальные наверстали упущенное. Поэтому я думаю, что мы должны реалистично оценивать ситуацию, когда во многих странах, таких как США и Великобритания, две трети взрослого населения технически страдают избыточным весом или ожирением в клиническом плане. Таким образом, Глобальная стратегия ВОЗ по питанию, физической активности и здоровью, как и многие другие, продолжает

развиваться в том смысле, что индивидуальная ответственность называется размером тела. Это очень стигматизирующая идея. На самом деле это связано с изменением поведения в отношении здоровья, взглядами на вес. И в этом всегда есть доля вины и стыда. И я думаю, что это часть проблемы. Но первое, что нужно знать о Самоа, — это то, что люди приезжают туда на протяжении десятилетий. Исследования Национального института здравоохранения, проекты в области развития, медицинские миссии — что бы там ни было, с идеями о том, как самоанцам лучше питаться и больше заниматься физическими упражнениями, чтобы решить проблему лишнего веса. Например, вы знаете, есть рекомендации по выращиванию большего количества местных продуктов питания, поощрению физических упражнений на общественных соревнованиях и мероприятиях. В лучшем случае, несмотря на все эти усилия, предпринятые в течение нескольких десятилетий, показатели клинического ожирения остались на прежнем уровне. На протяжении десятилетий это была какофония антижировых препаратов. Людям говорят, что большие тела вредны для здоровья, и социальные сети действительно удвоили количество таких сообщений. Но я думаю, что сами по себе эти меры, можно сказать, способствовали росту антижировых настроений, хотя на самом деле они не достигли своих целей: помочь людям в среднем похудеть, оценить уровень клинического ожирения среди населения и так далее. А из-за постоянных безрезультатных мер вмешательства люди сейчас крайне настороженно относятся к людям, которые приходят и говорят им, что делать в этой связи. Кроме того, сосредоточение внимания на весе — это моральная рефлексия, а это значит, что в дискуссиях о том, как создать здоровые сообщества и такие места, как Самоа, а также во всем мире, многое теряется. И вы видите, что зачастую многие из этих мер даже не вписываются в повседневную жизнь людей. Знаете, люди спрашивают, служит ли вмешательство жизненным целям или же оно служит жизненным целям людей — таким, каким они хотят видеть свои семьи, свое тело и свою жизнь? Или мы просто гонимся за каким-то внешним маркером, таким как ИМТ? Это довольно сложные вопросы, но я думаю, что в таких странах, как Самоа, они слышат об этом десятилетиями, но безрезультатно. Думаю, есть веские основания отнести к некоторым из этих высказываний о том, как мы относимся к разным странам и уровню ожирения в разных странах.

Garry Aslanyan [00:29:08] Верно, не знаю. Я действительно помню, как читал исследование об индюшиных хвостах и ожирении в Самоа. Было проведено очень интересное исследование, посвященное торговле, здравоохранению и культуре, в котором все это было рассмотрено в совокупности, а также о том, как восприятие жиров и пищевых продуктов, а затем и то, как они противоречат друг другу, но в то же время это часть культуры. Очень интересная ситуация.

Alex Brewis [00:29:39] Это прекрасная книга.

Garry Aslanyan [00:29:41] Да.

Alex Brewis [00:29:41] Да, на самом деле я сейчас забыл название: «Овечьи хлопья и хвосты индейки», что-то в этом роде.

Garry Aslanyan [00:29:48] Возможно, да, возможно, на этом все. Да.

Alex Brewis [00:29:50] Но книга действительно интересная, и наши студенты, изучающие здравоохранение из разных стран, читают ее, в частности, на уроках, посвященных еде и культуре, потому что она очень хорошо показывает, что можно думать о том, что происходит в стране, но есть все эти глобальные процессы, влияющие на такие вещи, как вес, и в данном случае на Аргумент заключался в том, что Новая Зеландия использует заслонки ламп, представляющие собой кусок очень и очень жирного мяса, который не продается в Новой Зеландии, и отправляет его в Самоа, где оно будет продаваться там, поэтому в международной торговле сложилась такая

ситуация, которая привела к потреблению мяса с очень высоким содержанием жиров, потому что Это была более дешевая деталь, которую кто-то с радостью отправил. Таким образом, все это уже не происходит в вакууме, и все чаще приходится рассматривать эти вещи в более глобальном контексте. И это очень хороший пример такого мышления антропологов. Они могут быть очень полезны.

Garry Aslanyan [00:30:50] Верно, верно, и если мы обратимся к антропологической стороне вопроса, мы знаем, что структурные факторы, культурные ценности оказывают большое влияние на вес людей, и вы уже все это учли. Но мы, специалисты общественного здравоохранения, всё ещё склоняемся к тому, что во всём виноват сам человек. Почему так продолжается, Алекс?

Alex Brewis [00:31:23] Думаю, есть несколько причин. Во-первых, это самое дешевое и простое вмешательство. Структурные вмешательства сложны и дороги. Задумайтесь только об санитарии. Знаете, обеспечить туалеты и водопроводные сети всем, у кого нет туалета в мире, не под силу всем финансирующим агентствам вместе взятым. Просто это очень дорого, а значит, его нужно обслуживать. Так что, с одной стороны, и с клинической точки зрения, иногда проще просто посоветовать человеку меньше есть и больше заниматься спортом. Или попробуйте заставить людей строить собственные туалеты, а не думать о более системных решениях. Но я думаю, что нам также следует обратить внимание на то, что характерно для современной жизни, в частности, на неолиберальные представления об индивидуальной ответственности, которые во многом лежат в основе того, как люди все чаще смотрят на мир, и на идею о том, что ваш успех зависит от ваших способностей, а не от понимания того, как работают преимущества и привилегии. Но ваша неудача также должна быть связана с индивидуальной ответственностью. Итак, если вы не можете похудеть, значит, вы знаете, что это потому, что вы терпите неудачу. Если вы можете похудеть, это говорит о том, что вы добились успеха. Всё дело в том, что я могу доказать свою успешность, будучи богатым или стройным, или с другими показателями, которые, возможно, не совсем понятны другим людям, но я буду продолжать смотреть на мир так, как я, потому что это говорит о том, что я успешна по сравнению с другими людьми, а люди очень успешны. Существа, осознающие свой статус. И нам нравится часто организовывать мир так, как будто у нас дела обстоят лучше, чем у других людей. Кажется, что людям нравится иерархия, но иерархия им нравится только в том случае, если они находятся на вершине иерархии, поэтому я думаю, что это во многом определяет более широкий контекст, в котором все происходит. И я думаю, что в здравоохранении и общественном здравоохранении модель изменения поведения на протяжении десятилетий была королем или королевой. Так оно и есть, и дело не только в том, что зачастую её легче использовать в качестве решения или формулировать её как решение, но и в том, что её легче понять, верно? С концептуальной точки зрения все проще. Структурную стигму и лишение прав и возможностей труднее понять, и их труднее отследить. Поэтому я думаю, вы знаете, что в современной глобальной экономике это также привлекательный взгляд людей на мир во многих измерениях.

Garry Aslanyan [00:34:29] Как вы считаете, что мы, представители глобального сообщества здравоохранения, можем по-другому взглянуть на проблему стигматизации и подойти к вещам по принципу «виноватых»? И, конечно, наши слушатели, в том числе и в повседневной работе, очевидно, что у всех нас возникают стигматизирующие мысли. Как на этом личном уровне преодолеть тот подход, который, возможно, все еще используется некоторыми из нас? Итак, что вы думаете как о сообществе, о людях, работающих в сфере здравоохранения и глобального здравоохранения, а также о том, что мы можем сделать как отдельные личности?

Alex Brewis [00:35:26] Поэтому для профессионалов я считаю, что это один из важных моментов в книге, и в конце книги мы приводим своего рода руководство, которое поможет вам разобраться

в этом вопросе в нужной ситуации. На что следует обратить внимание? И я думаю, что было бы очень полезно иметь некий контрольный список, который поможет людям определить, насколько стигма связана с их конкретной ситуацией, а иногда она гораздо важнее других. А если у вас есть контрольный список, вы можете сказать: «Хорошо, мне стоит об этом подумать или на этом мне нужно сосредоточиться, верно?» Но я думаю, что первый, первый совет — не относитесь к стигме как к второстепенной задаче. Подумайте о роли этой организации в проектах с самого начала и как бы оцените, в чем заключаются риски и какими они могут быть. Таким образом, у вас будет некая конкретная отправная точка, позволяющая убедиться, что вы делаете все так, как вам хотелось бы, не причиняя вреда. Но вы также знаете, что меры, учитывающие это, в любом случае оказываются более успешными. Так что это очень хорошая, просто хорошая практика с точки зрения эффективности нашей работы. Думаю, мы должны задать такие вопросы, как, знаете, люди считают этот риск для здоровья или заболевание культурным явлением? Например, когда люди говорят, что это огромный тревожный сигнал о том, что вы попали в зону стигмы. Ожидаем ли мы изменения в индивидуальном поведении? Это также очень серьезный сигнал о том, что вы, возможно, входите в зону стигмы. И, думаю, я с большой осторожностью отношусь к подобным попыткам бороться с межличностными предрассудками. Например, тренировка против предвзятости, пожалуй, меня больше всего разочаровывает, а тренировка, направленная на то, чтобы попытаться перестроить работу мозга людей, то есть отработать образ мышления, на самом деле не работает, поэтому подобные тренинги против предвзятости. Они часто пытаются перепрограммировать мышление людей, но исследования показывают, что люди довольно быстро возвращаются к прежним представлениям, но они, возможно, лучше справляются с тем, чтобы действовать беспристрастно и непредвзято, даже если они все еще думают об этом. Поэтому я думаю, что подходы, рассматривающие происходящее как межличностные предрассудки, на самом деле не позволяют понять, в чем заключаются важные перемены и меры вмешательства. Нужно рассматривать стигму как структурную проблему, иначе она никуда не денется. И я думаю, что обучение в этой области должно быть частью любой учебной программы, особенно каждой клинической клиники, каждой медицинской школы. Я думаю, что мы живем в мире, в котором всё идёт на убыль, что порождает и поощряет негативные суждения, предубеждения, ну, знаете, обесценивают некоторых людей, давят их всё дальше и дальше. Так что, думаю, вы знаете, что речь идет также о том, чтобы быть в курсе своих мыслей. Нельзя перестать думать об этом, но важно то, как вы на них реагируете. Поэтому, будучи преподавателем, я всегда прихожу к решениям именно с этой целью. И я думаю, что самообразование здесь играет ключевую роль. Итак, что бы вы ни делали, читая о жизни других людей, литература, пожалуй, является одним из самых мощных инструментов, которые у нас есть. Мне кажется, что это не так уж и ценят. Пару лет назад я вступил в книжный клуб, и это вернуло меня к мысли о том, что, читая больше, мы действительно можем многое узнать о своем собственном мышлении и мышлении других людей. Знакомство с людьми, не похожими на тебя, более широкое общение. Я думаю, что есть много вещей: задавать вопросы во время разговора с людьми и слушать, проявлять любопытство. Все это, на мой взгляд, помогает избавиться от автоматических мыслей, которые не поддаются сомнению и причиняют вред окружающим. Возможно, мы даже не замечаем, что причиняем вред другим. Поэтому я думаю, что ответ заключается в том, чтобы знать, что мы можем добиться большего, и работать над этим. Но, как и все остальные, я каждый день ловлю себя и думаю, как мне стать лучше? И что мои знакомые действительно так думают и поступают в соответствии с этим, — это люди, которые прожили одну из самых богатых жизней, которых я когда-либо видел. Так что, я думаю, отчасти и дело в том, что такие мысли действительно улучшают вашу собственную жизнь. Потому что эмпатия заключается в том, чтобы видеть себя в других, верно? А решение проблемы стигмы — это сочувствие. Чуть ли не резюмирует книгу.

Garry Aslanyan [00:39:59] Очень интересные мысли и размышления. Мне очень понравился этот разговор, Алекс. Это очень сложные и иногда, возможно, плохо продуманные ситуации и концепции, которые мы не можем оставить в стороне и обдумать. Надеюсь, это помогло мне и слушателям глубже погрузиться в эту тему, и я благодарю вас за проделанную работу. Я желаю вам удачи в ваших будущих начинаниях.

Alex Brewis [00:40:32] Спасибо. Было очень приятно участвовать в сериале и разговаривать с тобой, Гари. Так что большое спасибо.

Garry Aslanyan [00:40:38] Беседа с Алексом Брюисом действительно заставила меня задуматься о том, как стигма незаметно проникает в глобальное здравоохранение, даже если мы преследуем благие намерения. Алекс напоминает нам, что в общественном здравоохранении нет места стыду. Всякий раз, когда мы используем стигму для продвижения перемен, мы в конечном итоге ослабляем доверие и заставляем замолчать тех самых людей, которых хотим поддержать. Она также призывает нас сбавить обороты и сначала прислушаться. Реальное воздействие начинается с сочувствия, понимания повседневной жизни людей и реалий, лежащих в основе их выбора. Наконец, она подчеркнула, что эмпатия сама по себе является противоядием стигме. Если мы проявляем любопытство, изучаем собственные предубеждения и относимся к другим со смирением, мы открываем путь к более сострадательной и эффективной глобальной практике здравоохранения. Надеюсь, что этот диалог заставит вас задуматься и побудит вас поставить сочувствие во главу угла своей работы. Чтобы узнать больше о теме, обсуждаемой в этом выпуске, посетите веб-страницу эпизода, где вы найдете дополнительные материалы для чтения, примечания к сериалам и переводы. Не забудьте связаться с нами через социальные сети, электронную почту или отправить голосовое сообщение, а также подписаться на нас или подписаться на нас, где бы вы ни получали свои подкасты. Журнал Global Health Matters подготовлен исследовательской программой TDR, совместно спонсируемой Организацией Объединенных Наций и базирующейся во Всемирной организации здравоохранения. Спасибо, что выслушали.